Кинотрадоши

Одесские дни и Потемкин

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦА3S
В623

Nistschy. Die Tage in Odessa und „Potemkin".

Prix: 25 cts. — 20 pf. — 2½ d. — 5 cent.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЦАЗБ
В623

НИЩІЙ.

ОДЕССКІЕ ДНИ
И „ПОТЕМКИНЪ".

Изданіе Центр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

2-й экз

ЖЕНЕВА.
Типографія Партіи, Quai du Cheval Blanc, 6.
1905.

На складѣ экспед. Р. С.-Д. Р. П. имѣются слѣд. изданія:

1. Галерка. Долой бонапартизмъ! (Разборъ и критика декларацiи Ц. К.).
Цѣна: 25 cts. — 20 pf. — 2½ d. — 5 cent.

2. Галерка и Рядовой. Наши недоразумѣнія.
Цѣна: 50 cts. — 40 pf. — 5 d. — 10 cent.

3. Къ Партiи.
Цѣна: 20 cts. — 15 pf. — 2 d. — 5 cent.

4. Рядовой. О соціализмѣ.
Цѣна: 20 cts. — 15 pf. — 2 d. — 5 cent.

5. Шаховъ, Н. Борьба за съѣздъ.
Цѣна: 60 cts. — 50 pf. — 5 d. — 10 cent.

6. Галерка. На новый путь.
Цѣна 40 cts. — 35 pf. — 4 d. — 8 cent.

7. Рѣчь Людмилы Громозовой.
Цѣна 10 cts. — 10 pf. — 1 d. — 2 cent.

8. Услужливый Либералъ.
Цѣна: 5 cts. — 5 pf. — — d. — 1 cent.

9. Ленинъ, Н. Земская кампанiя и планъ Искры.
Цѣна: 25 cts. — 20 pf. — 2½ d. — 5 cent.

10. Рядовой. Либеральныя программы.
Цѣна: 20 cts. — 15 pf. — 2 d. — 5 cent.

11. Орловскiй. Совѣтъ противъ Партiи.
Цѣна: 40 cts. — 35 pf. — 4 d. — 8 cent.

13. Ленинъ Н. Заявленiе и документы о разрывѣ центральныхъ учрежденiй съ Партiей.
Цѣна: 15 cts. — 10 pf. — 1½ d. — 3 cent.

14. Марксъ и Энгельсъ. Манифестъ коммунистической партiи.
Prix: 50 cts. — 40 pf. — 15 d. — 10 cent.

15. Докладная записка Лопухина съ предисловiемъ Н. Ленина.
Prix: 50 cts. — 40 pf. — 5 d. — 10 cent.

16. В. Воиновъ. Какъ петербургскiе рабочiе къ царю ходили.
Prix: 25 cts. — 20 pf. — 2½ d. — 5 cent.

17. Н. Н. Царь и народъ.
Prix: 25 cts. — 20 pf. — 2½ d. 5 cent.

18. Къ товарищамъ-крестьянамъ.
Prix: 10 cts. — 10 pf. — 1 d.—1 cent.

К1909

Nistschy. Die Tage in Odessa und „Potemkin".

Prix: 25 cts. — 30 pf. — 2½ d. — 5 cent.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

9.47
Н.60
Ц435
В623
Виноградова, О.Н.

НИЩІЙ.

ОДЕССКІЕ ДНИ

И „ПОТЕМКИНЪ".

Изданіе Центр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

2-й экз

ЖЕНЕВА.
Типографія Партіи, Quai du Cheval Blanc, 6.
1905.

К.

ЦА35
В623

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА

1100/28 Ц-1669у

с

У 82

Одесскія событія, которыя своей грандіозностью поразили не только Россію, но, можно сказать, весь міръ, столкнули насъ лицомъ къ лицу съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, недоумѣній и новыхъ, еще не встрѣчавшихся на практикѣ задачъ. Трудно пока учесть все ихъ значеніе и отвести имъ подобающее мѣсто въ ряду другихъ, не менѣе грандіозныхъ россійскихъ событій, и не намъ, пережившимъ эти дни только вчера, выполнить это. Мы, участники, всѣ чувствовали ясно только одно: то, что вчера казалось намъ или отдаленнымъ будущимъ, или вѣрной, но абстрактной истиной, это стало вдругъ передъ нами во всей своей конкретной дѣйствительности, въ видѣ требующей немедленнаго разрѣшенія проблемы. Вчера мы думали и сомнѣвались, сегодня мы должны были уже рѣшать и дѣйствовать; вчера мы подготовлялись и мечтали о далекой побѣдѣ, сегодня мы должны были сразу двинуться и завоевывать.

Событія разразились и развивались съ головокружительной быстротой, и то, что мы еще вчера съ такимъ трудомъ налаживали, скрѣпляли и соединяли, создавая «авангардъ», «ядро», — все это вдругъ потонуло въ общемъ стихійно разразившемся движеніи и раздробилось на массу отдѣльныхъ, не связанныхъ другъ съ другомъ иниціативъ, проявленій и начинаній....

Сплоченное ядро волею судебъ превратилось въ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе активныхъ, энергичныхъ и предпріимчивыхъ лицъ, которыя независимо одно отъ другого бросались туда, гдѣ пламя прорывалось съ особенной силой, — бывали частые случаи,

шли впереди толпы — иногда безуспѣшно, иногда и успѣшно, но, можно безошибочно сказать, почти всегда не сами овладѣвая стихіей, а находясь во власти этой стихіи и учась у нея... Стихія перегнала то, что развилось подъ вліяніемъ сознательной, обдуманной и руководящей воли; болѣе того, стихія раздробила и разбросала это въ разныя стороны, порвавъ связующія нити: въ этомъ заключался весь трагизмъ положенія насъ, руководителей.

Правда, мы дали — еще давно дали — лозунги и знамя, но давать знамя стихіи и нести его самимъ — двѣ вещи разныя.

Событія, которыя произошли, можно раздѣлить на такъ сказать береговыя и морскія — въ этомъ заключалось все ихъ величіе и въ то же время, можетъ быть, ихъ слабость.

Въ понедѣльникъ 13 іюня, въ 1 часъ дня всю Одессу съ быстротой молніи облетѣли нѣсколько словъ «На Пересыпи убито 2 рабочихъ.»

Вмѣстѣ съ этими словами, которыя передавались изъ устъ въ уста, знакомыми и незнакомыми, вмѣстѣ съ ними всѣхъ охватилъ ужасъ, негодованіе и смутное предчувствіе чего-то надвигающагося и грознаго... Одесса еще недавно пережила тревожные первомайскіе дни, ожидая этого чудища — еврейскихъ погромовъ, въ которые правительство постаралось бы, конечно, превратить празднество рабочихъ... Она только недавно была свидѣтельницей всеобщей стачки, охватившей постепенно всѣ фабрики, заводы и мелкія мастерскія и длившейся болѣе мѣсяца, въ продолженіе которыхъ она сидѣла то безъ мяса, то безъ хлѣба. Она постоянно видѣла на улицахъ патрули или проходящихъ казаковъ и то и дѣло слышала объ избіеніи, стычкахъ рабочихъ съ полиціей, арестахъ и пр. Она все время была въ нервномъ и возбужденномъ ожиданіи чего-то, и новая вѣсть пробѣжала по ней, какъ электрическій токъ.

Въ чемъ дѣло? Что вызвало этотъ новый актъ насилія со стороны правительства? Выяснилось слѣдующее. На одномъ изъ заводовъ Пересыпи — промышленнаго района гор. Одессы — забастовали рабочіе механическаго завода Гена. Забастовка длилась

уже цѣлый мѣсяцъ. Необходимо было обсудить дѣла, собраться вмѣстѣ всѣмъ рабочимъ. Послана была депутація къ градоначальнику просить въ этомъ смыслѣ разрѣшенія.

«Но», сказалъ когда-то давно одинъ министръ, «за каждой стачкой скрывается гидра революціи».

Градоначальникъ отказалъ, но не сразу; онъ послалъ сначало къ инспектору, думая этой отсылкой омыть себѣ руки.

Фабричный инспекторъ послалъ обратно: «Имѣть — я ничего не имѣю противъ, да не мое это дѣло», отвѣтилъ онъ.

Вторично градоначальникъ не принялъ. Тогда рабочіе рѣшили дѣйствовать самостоятельно. Это и было началомъ всего.

Въ количествѣ 200 — 300 человѣкъ они собрались на улицѣ. Полиція выхватила изъ нихъ нѣсколько человѣкъ, но толпа вытребовала ихъ обратно, когда ихъ вели въ участокъ, затѣмъ подошла къ участку, требуя выдачи другихъ. Имъ обѣщали.

Призракъ революціи началъ, казалось, претворяться въ дѣйствительность, и правительство рѣшилось затопить этотъ призракъ въ крови.

Прибывшіе для этой цѣли казаки, встрѣченные цѣлымъ градомъ камней, сначало бѣжали въ паникѣ. Дружное «ура» встрѣтило это позорное бѣгство, но «христолюбивое воинство» вскорѣ оправилось. Выстрѣлъ офицера, упавшаго было съ испуганной лошади, и пристава, стоявшаго рядомъ, уложили двухъ рабочихъ. По приказу былъ данъ залпъ, и толпа разсѣялось въ смятеніи. Одинъ изъ труповъ украла полиція, другой рабочимъ удалось скрыть. Они носили его по рабочимъ кварталамъ, и этой безмолвной, полной затаенной злобы жалобой своимъ товарищамъ на произволъ и дикое насиліе они вызывали жажду мщенія и непреклонной рѣшимости. Къ вечеру вся Пересыпь встала, фабрики закрылись, рабочіе бросили работу, жены гнали своихъ мужей на улицу. Все это совершилось въ какихъ-нибудь 2 — 3 часа, и къ вечеру толпа чувствовала себя господиномъ положенія. Полиція еще не успѣла собраться съ духомъ и была пока безпомощна. Рабочіе остановили конки, вышли на

полотно желѣзной дороги и прекратили желѣзнодорожное движеніе. Такъ продолжалось до поздняго вечера, а въ это время пламя перекинулась уже въ городъ и другія окрестности. Со стороны полиціи шли самыя дѣятельныя приготовленія. Борьба становилась неизбѣжной, — это чувствовалось всѣми, и въ воздухѣ носилась какая-то тревога и напряженіе, такъ что каждый малѣйшій шумъ вызывалъ смятеніе. Когда я проѣзжала вечеромъ по главной Преображенской улицѣ на конкѣ, тамъ на моихъ глазахъ толпа избила шпіона.

«Что такое?» — слышались испуганные голоса. «Избили шпіона», — былъ краткій отвѣтъ. «Избили шпіона», — повторяли кругомъ, и было даже странно видѣть, какую злобную радость выражалъ по этому поводу даже самый скромный обыватель.

На другой день съ самаго ранняго утра всѣ были на ногахъ, и въ городѣ замѣчалось необычное движеніе, которое росло съ каждымъ часомъ. Движеніе не было единымъ,вслѣдствіе, съ одной стороны, отдаленности другъ отъ друга промышленныхъ районовъ: Пересыпи, Дальника и собственно городского района — преимущественно мелко-ремесленнаго; и съ другой — благодаря тому, что организаціи не успѣли и, скажу болѣе, не могли даже успѣть дать какихъ либо опредѣленныхъ приказаній, составить немедленно планъ дѣйствій для объединенія всѣхъ разрозненныхъ революціонныхъ вспышекъ и выработать однообразные конкретные лозунги, которыми бы толпа руководилась непосредственно въ своихъ дѣйствіяхъ.

Это произошло по слѣдующимъ причинамъ: во-1-ыхъ вслѣдствіе отсутствія какого-нибудь военнаго центра, который состоялъ бы изъ активныхъ, энергичныхъ членовъ, отличался бы подвижностью и легкостью въ смыслѣ взаимныхъ встрѣчъ и дѣйствій, стоялъ бы всегда въ курсѣ дѣла, и который прямо могъ бы начать функціонировать. Комитетъ не могъ быть таковымъ, ибо не удовлетворялъ ни одному изъ вышеуказанныхъ требованій...

Во 2-ыхъ, вслѣдствіе разрозненности трехъ организацій, которыя такимъ образомъ не координировали

распорядокъ силъ и дѣйствій, что ослабляло даже то, что имѣлось въ наличности.

Въ-3-ихъ, по причинѣ растерянности всѣхъ членовъ организаціи, у которыхъ пока не было, пожалуй, даже и вѣры въ грандіозность надвигающихся событій, и которые, кромѣ того, не получая какихъ либо инструкцій и не видя планомѣрныхъ обдуманныхъ дѣйствій, разбились, разбрелись постепенно въ разныя стороны и не только не сообразовали взаимно образъ дѣйствій, но вскорѣ потеряли другъ друга изъ виду... Одни изъ нихъ, наиболѣе предпріимчивые, шли туда, гдѣ было скопленіе толпы, другіе бродили въ разныхъ частяхъ города, не зная, что дѣлать, ругая организацію и проклиная бездѣятельность Комитета.

Такимъ образомъ городъ вспыхнулъ въ этотъ день одновременно и независимо другъ отъ друга въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Въ Пересыпи утромъ около завода Гена собралась толпа рабочихъ въ 5000 человѣкъ, и послѣ того, какъ былъ произнесенъ рядъ агитаціонныхъ рѣчей, она, подъ предводительствомъ отдѣльныхъ, направляющихъ ея движеніе соціаль-демократовъ, демонстративно направилась по улицамъ остановить все, что еще работало. Съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, въ стройномъ и дружномъ шествіи, не встрѣчая препятствій на пути, толпа остановила работу на водокачкѣ, вывела товарищей съ завода Шполянскаго, потомъ приблизилась къ полотну желѣзной дороги и остановила шедшій пассажирскій поѣздъ, приказавъ машинисту выпустить паръ... Испуганные сначала пассажиры были успокоены объясненіями главарей, и одинъ либералъ, расчувствовавшись, далъ 1 рубль «на революцію». Затѣмъ, въ томъ же сознаніи своей силы и въ величавомъ спокойствіи, рабочіе двинулись къ напильночному заводу.

Здѣсь одинъ изъ товарищей, ведшихъ толпу, вошелъ въ контору, гдѣ находится телефонъ, и отъ имени рабочихъ корректно заявилъ, что онъ пришелъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не дали знать по телефону полиціи. Въ это время были обрѣзаны провода, и только, когда ему было дано знать объ этомъ, онъ вышелъ.

Спокойствіе, сознаніе достоинства и силы — такое впечатлѣніе производили разсказы объ этомъ величавомъ демонстративномъ шествіи 5-ти тысячной толпы.

Но потомъ, часовъ въ 11, она разсѣялась... разсѣялась отъ кучки полицейскихъ, которые бросились въ самую середину и прикладами и шашками били кого ни попало. Была ли она неподготовлена къ такому стремительному нападенію и ею овладѣла паника, которую трудно было остановить, такъ какъ это не было дисциплинированное и выдрессированное войско, или она не предполагала даже, что это просто только кучка натравленныхъ собакъ, которыхъ она могла бы растерзать въ клочки, или передъ нею встали вчерашнія жертвы, — но, словомъ, она бѣжала и разсѣялась: въ этотъ день тамъ не было уже ничего грандіознаго.

А въ городѣ движеніе увеличивалось, сосредоточившись преимущественно на Преображенской, гдѣ собралось громадное количество народа, бродившаго взадъ и впередъ. Всѣ 3 соціаль-демократическія организаціи, а также, кажется, соціалисты-революціонеры —избрали это мѣсто для того, чтобы вызвать тамъ скопленіе... Это не было заранѣе организовано и вовсе не предполагалось устроить здѣсь демонстрапію, — просто-на-просто передавалось другъ другу о скопленіи, и всѣ шли туда безъ опредѣленнной цѣли и въ смутномъ ожиданіи, что будетъ данъ лозунгъ.

Но послѣдняго не было, и движеніе весь день, несмотря на громадное количество народа, носило характеръ разсѣянности и случайности.

Небольшія кучки подъ руководствомъ членовъ той или иной организаціи, сопровождаемыя гикающими и орущими ребятишками, ходили «снимать» рабочихъ съ мелкихъ мастерскихъ. Къ полудню всѣ табачныя фабрики, самыя крупныя въ городскомъ районѣ, и большая часть мелкихъ мастерскихъ прекратили работу.

Магазины закрылись; около воротъ стояли встревоженные дворники, которые при внезапномъ шумѣ или бѣгствѣ толпы отъ какихъ нибудь захудалыхъ полицейскихъ съ обнаженными шашками — поспѣшно запирали ворота.

На улицахъ останавливали и обыскивали тѣхъ, у кого находили что нибудь предосудительное и особенно оружіе, избивали часто тутъ же до полусмерти. Я видѣла сама, какъ взводъ солдатъ, окруживъ двухъ лицъ, оберегалъ полицейскихъ, избивавшихъ ихъ. Передо мною промелькнуло только окровавленное лицо съ выраженіемъ ужаса и злобы, а они все время били и били его. Мало того. Когда эти мерзавцы насытились, казалось, своими жертвами и хотѣли ихъ вести, конный полицейскій отдалъ приказъ остановиться. Онъ подъѣхалъ, нагнулся и ударилъ одного изъ нихъ нѣсколько разъ — не помню чѣмъ — по головѣ. Эта гадина подъѣхала и остановилась нарочно для удара. Она хотѣла, конечно, въ ту минуту вѣрой и правдой послужить отечеству.

Стычки съ полиціей происходили все время. Полицейскіе производили холостые выстрѣлы или просто бѣжали за толпой съ обнаженными шашками, избивая попадающихся; но толпа, разсѣянная въ одномъ мѣстѣ, скоплялась въ другомъ.

Въ полдень на Успенской улицѣ начали строить баррикады, вывертывая телефонные столбы, стаскивая камни и переворачивая конки. Иниціаторами этого, говорятъ, была самая юная часть публики. Попытки дѣлались не одинъ разъ, но пресѣкались прибывшими наконецъ войсками, а конки валялись на Преображенской безпомощныя, большія и жалкія, какъ карточные домики, останавливая собою дальнѣйшее движеніе, которое вскорѣ было совсѣмъ пріостановлено. Одну изъ конокъ облили керосиномъ и зажгли.

Ревъ толпы, то бѣгущей, то ходящей, разъяренные полицейскіе съ обнаженными шашками, трубный звукъ кареты «скорой помощи», которая то и дѣло шныряла по улицамъ для уборки раненыхъ, скачущіе казаки, наводящіе панику и, подобно вихрю, разсѣивавшіе толпу — все это создавало угарную, заряженную атмосферу, которая, однако, ни въ чемъ опредѣленномъ не разряжалась.

Въ это утро было убито и ранено нѣсколько чиновъ полиціи. Говорятъ, одинъ приставъ, убитый на углу Александровской и Еврейской, долго лежалъ въ крови, и его каждый проходящій съ презрѣніемъ ты-

калъ ногой. Причина убійства: онъ хотѣлъ вызвать полицейскихъ для ареста нѣсколькихъ собравшихся недалеко лицъ.

Къ вечеру на Успенской улицѣ, на Соборной площади и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ расположились войска: городъ принялъ такой видъ, какъ если бы онъ приготовлялся къ военнымъ дѣйствіямъ. Публика чувствовала себя уже нѣсколько утомленной, но до поздняго вечера ходила по улицамъ.

Разнесся было слухъ, что хулиганы избили кого то, но онъ скоро замолкъ.

Никакихъ, «антиеврейскихъ», или «черносотенныхъ» выходокъ не было.

Казалось, было только 2 врага: все населеніе Одессы съ одной стороны, полиція и войска — съ другой.

Среда 15 іюня останется, вѣроятно, записанной на страницахъ исторіи гор. Одессы.

Этотъ день она забыть не можетъ и не должна, потому что въ этотъ день тысячи ея сыновъ пали «жертвами борьбы роковой» и потому что въ этотъ день она была наканунѣ великихъ событій, которыя готовы были разрѣшиться каждую минуту.

Утро этого дня, тревожное и напряженное, какъ и предыдущій день, съ тѣми же толпами народа, выжидающими начала дѣйствій, было потрясено молніеносной вѣстью: «На броненосцѣ «Потемкинъ» убитъ матросъ, онъ лежитъ на берегу, команда взбунтовалась. Броненосецъ стоитъ около берега».

Народъ бросился къ порту въ смятеніи и безпорядкѣ... Чтобы не грѣшить противъ правильности и не разбрасываться, буду описывать событія въ томъ порядкѣ, въ которомъ наблюдала ихъ я. Въ 11 часовъ утра, услышавъ эту вѣсть и не зная еще подробностей, я бросилась въ Дальникъ, чтобы узнать, что дѣлается на вокзалѣ, гдѣ тысячи рабочихъ еще не бросили работу и тѣмъ ослабляли общее движеніе.

Я разсчитывала разсказать про послѣднія событія, про которыя тамъ едва ли что было извѣстно.

Но я не успѣла еще ничего сказать, какъ одинъ изъ организованныхъ рабочихъ торопливо отозвалъ меня въ сторону.

«Поѣзжайте скорѣе на броненосецъ», сказалъ онъ: «тамъ нуженъ агитаторъ, никого нѣтъ... Поѣзжайте! Лодку и все другое я достану!»

Медлить было нельзя, и трое насъ поспѣшно отправились къ порту. Толпа на улицахъ нѣсколько порѣдѣла, а когда я спустилась внизъ къ морю, невдалекѣ я услышала неумолкаемые крики: «Ура! Да здравствуетъ свобода! Долой самодержавіе! Ура! Ура!»

Народъ бѣжалъ въ ту сторону, гдѣ лежалъ трупъ, видно было волнующееся море головъ, слышались уже не отдѣльные крики, а ревъ толпы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Но итти туда было некогда. Тѣ полчаса, въ теченіе которыхъ я сѣла на парусную лодку и неслась къ броненосцу, показались мнѣ вѣчностью. Вскорѣ показался величаво стоящій броненосецъ. Оказалось, тамъ были уже представители отъ всѣхъ трехъ соціаль-демократическихъ организацій (соціалистовъ-революціонеровъ матросы не допускали, «признавая руководство только соціаль-демократовъ»). Въ этотъ день утромъ, послѣ того, какъ разнесся слухъ о матросѣ, была впервые организована «Соединенная коммиссія всѣхъ 3-хъ соціальдемократическихъ организацій». Она и послала на броненосецъ делегатовъ. Объ ея дѣятельности послѣ. Насъ впустили имѣющіе очень мужественный видъ матросы. Команда человѣкъ въ 700 толпилась на носу. Черезъ нѣсколько минутъ внизу броненосца открылось торжественное засѣданіе. Я опишу его подробно.

Внизу, въ трюмѣ, за большимъ, длиннымъ столомъ сидѣло около 30—40 матросовъ (всѣ болѣе или менѣе сознательные соціальдемократы). Въ центрѣ съ одной стороны сидѣло трое городскихъ представителей, напротивъ нихъ командиръ Алексѣевъ, затѣмъ рядъ матросовъ въ ихъ обычныхъ костюмахъ.

Предсѣдателемъ былъ выбранъ Алексѣевъ. Сидя рядомъ, я хорошо разглядѣла его... Онъ еще молодой, бѣлокурый, съ незначительнымъ, но довольно пріятнымъ лицомъ. Около него лежало полотенце, и онъ обтиралъ все время лицо, видимо нѣсколько взволнованный, но сохраняя невозмутимое спокойствіе. Его попросили разсказать, какъ было дѣло. Тогда онъ

кратко изложилъ ходъ событій, какъ это было достаточно вѣрно изображено въ легальныхъ газетахъ. Скажу также кратко.

Матросамъ было куплено тухлое мясо, частью уже разложившееся; они не хотѣли приготовлять пищу; ихъ заставили. На другой день они отказались ѣсть. Тогда старшій офицеръ вышелъ на палубу и приказалъ отойти въ сторону тѣмъ, кто не желаетъ ѣсть. Желающихъ пригласилъ за собой. Часть отошла, и старшій офицеръ отдалъ приказъ встать около нихъ караулу. Одинъ изъ караула отказался; тогда командиръ выхватилъ у него ружье и уложилъ его на мѣстѣ. Этотъ умершій герой былъ Омельчукъ, или —какъ его иначе называютъ— Вокуленчиковъ, душа, какъ мы послѣ узнали, заговора въ Черноморскомъ флотѣ, преданная и самоотверженная натура. Ему оставалось быть во флотѣ только 2 мѣсяца. но онъ собирался остаться дольше, чтобы докончить начатое дѣло. Онъ умеръ со словами: «да здравствуетъ свобода!»

Его смерть была сигналомъ. Матросы бросились на старшаго офицера. Матросомъ, который убилъ его, былъ Матюшенко. Затѣмъ такъ же было поступлено съ командиромъ и остальнымъ «начальствомъ»,—впрочемъ, нѣсколько болѣе способныхъ были оставлены въ живыхъ и посажены подъ арестъ (съ теченіемъ времени они, какъ извѣстно, были выпущены на берегъ).

Затѣмъ матросы выбрали командиромъ Алексѣева и остальныхъ должностныхъ лицъ. Пунктомъ стоянки они опредѣлили Одессу, куда рано утромъ вынесли погибшаго Омельчука.

По окончаніи разсказа Алексѣева было рѣшено приступить къ обсужденію дальнѣйшихъ шаговъ и координированію дѣйствій съ городомъ.

Этого обужденія я уже не слышала, такъ какъ была наверху, откуда вернулась только къ концу.

Планъ, предложенный «Соединенной Комиссіей», состоялъ въ томъ, чтобы броненосецъ высадилъ на берегъ вооруженный дессантъ человѣкъ въ 300-400. Предполагалось, что на берегу находится толпа тысячъ въ 8-10, въ сопровожденіи и во главѣ которой

матросы понесутъ хоронить трупъ. Предполагалось, далѣе, что солдаты при видѣ этой процессіи перейдутъ на сторону народа, и произойдетъ братаніе, которое обезпечитъ успѣхъ дальнѣйшихъ революціонныхъ дѣйствій: захвата типографій, арсеналовъ, различныхъ правительственныхъ учрежденій, арестъ властей и проч.

Но планъ былъ категорически и съ свойственнымъ матросамъ лаконизмомъ отвергнутъ. Возраженія ихъ сводились къ тому, что разъединить ѣоманду нельзя, такъ какъ она рѣшительно вся нужна на броненосцѣ, а кромѣ того разъединеніе можетъ вызвать упадокъ революціоннаго подъема и ослабить боевой духъ. Ихъ же планы пока сводятся къ тому, чтобы узнать о настроеніи остальной эскадры, ибо, если только эскадра близко и не предупреждена еще о событіяхъ, а значитъ, не приняты еще мѣры къ пресѣченію крамолы, то матросы несомнѣнно перейдутъ на ихъ сторону. Потемкинъ былъ организованъ и подготовленъ менѣе всѣхъ. Заговоръ же начатъ былъ еще давно. Въ такомъ случаѣ успѣхъ обезпеченъ.

Итакъ, неопредѣленность плановъ была первымъ результатомъ этихъ переговоровъ. Революціонное движеніе должно было быть искусственно задержано въ ожиданіи вѣроятнаго скораго прибытія эскадры съ вѣроятнымъ переходомъ ея на сторону возставшихъ.

Не надѣясь на достаточное сознаніе и революціонизмъ «массы»—почему мысль объ ея разъединеніи была всецѣло отвергнута—засѣдавшая комиссія однако не пугалась того ожидаемаго съ часу на часъ, со дня на день состоянія, въ которое повергала команду неопредѣленность рѣшенія и въ которомъ было слишкомъ много времени и повода для анализа, колебаній и сомнѣній,—она не боялась могущей развиться томительности, страха передъ темнымъ будущимъ, недовѣрія, раскаянія.

А первые, болѣе или менѣе зловѣщіе признаки уже показались, когда, въ самомъ концѣ засѣданія, одинъ изъ старшихъ матросовъ пришелъ сверху и заявилъ, что команда недовольна неизвѣстностью и таинственностью происходящаго внизу засѣданія. Рѣшено было обо всемъ немедля же передать имъ.

Наконецъ, мысль о томъ, что одесскія власти поспѣшатъ, конечно, тотчасъ же по безпроволочному—если эскадра въ морѣ—телеграфу предупредить о случившемся возстаніи, чтобы были приняты мѣры къ его усмиренію,—мысль объ этомъ не была поставлена рѣзко и прямо и не побудила потому принять скорѣе рѣшительныхъ дѣйствій, чтобы использовать то, что было въ рукахъ теперь же. Настроеніе у всѣхъ было такое повышенное и полное рѣшимости, рѣчи матросовъ, засѣдавшихъ въ комиссіи, звучали такой вѣрой и отвагой, и сами они внушали столько надежды на неминуемость побѣды, что сомнѣваться, предвидѣть все и торопить тогда было трудно. Засѣданіе было отложено до вечера, трое представителей оставлены были на броненосцѣ, а остальные должны были вернуться въ городъ.

Но прежде я скажу о томъ, что было наверху.

Передъ командой пришлось говорить во время засѣданія.

Во все время рѣчи съ берегу доносился ревъ толпы и то и дѣло разносились мощные возгласы: «Да здравствуетъ свобода! Ура! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода!»

Эти возгласы, какъ бы ища отвѣта, электризовали матросовъ. Они слушали внимательно, возбужденно, и изрѣдка нѣкоторые говорили: «Вѣрно! такъ!»

Впечатлѣніе отъ ихъ смѣлыхъ, одушевленныхъ и даже дерзкихъ лицъ, — иными они и не могли быть тогда, — это впечатлѣніе со всѣмъ остальнымъ давало мнѣ мысли, чувства и слова...

Когда мы отъѣзжали, послѣдними словами, которыя я слышала, были слова Матюшенко (какъ я послѣ узнала): «Намъ нечего глядѣть на берегъ, мы должны глядѣть туда... въ море». И его лицо было нахмуренное, строгое и мрачное. А съ носа броненосца неслись уже привѣтные берегу крики: «Да здравствуетъ свобода! Ура! Ура!»...

Когда я разсказала обо всемъ случившемся нѣсколькимъ изъ товарищей, принимавшимъ въ работѣ самое активное участіе, то одинъ изъ нихъ, самый солидный, воскликнулъ: «Товарищи! Вѣдь это... вѣдь это настоящая революція! Вѣдь мы стоимъ наканунѣ

переворота, передъ нами вопросъ о захватѣ власти, о временномъ правительствѣ».

Онъ формулировалъ то, что хотѣлъ сказать каждый изъ насъ. Дѣйствительно, не сегодня, такъ завтра, или послѣ завтра — мы были убѣждены — все это предстанетъ передъ нами во всей конкретности. Что мы одни, соціальдемократы, при всей нашей неорганизованности, мы, а никто другой были авангардомъ во всемъ движеніи — фактически, напр., во время всеобщихъ забастовокъ, или наконецъ въ смыслѣ лозунговъ, — въ этомъ не было сомнѣнія. Если бы переворотъ совершился, мы одни могли бы оказаться у «кормила» временной «власти» гор. Одессы, на насъ однихъ глядѣло бы подавляющее большинство населенія, мы одни, наконецъ, были болѣе или менѣе готовы къ тому, чтобы тотчасъ же очутиться на гребнѣ событій.

Руководить событіями, использовать все происшедшее, принять рядъ мѣръ, которыми можно было бы обезпечить успѣхъ революціоннаго переворота — это было бы прямой именно нашей задачей.

Другихъ партій,—либеральной, радикальной—ихъ не было совсѣмъ, о нихъ, по крайней мѣрѣ, никто не слышалъ, ихъ никто бы не призналъ и не захотѣлъ ихъ въ ту минуту. Населеніе знало враговъ народа и соціальдемократовъ, которые сражались, умирали и въ своихъ рѣчахъ, прокламаціяхъ, всюду и вездѣ, напоминали о себѣ, какъ истинныхъ друзьяхъ народа. На самомъ дѣлѣ, вѣдь не жалкіе испуганные «думцы», въ смятеніи бѣгущіе изъ города и не сдѣлавшіе ни одного шага для успѣха народнаго дѣла,—не могли же они разсчитывать на довѣріе, напр., рабочаго класса?

Они даже пальцемъ не стукнули, чтобы предотвратить кровавыя бани, и не имъ, этимъ трусамъ, покорно молчащимъ и выжидающимъ изъ-за угла исхода дѣла, чтобы въ рѣшительную минуту высунуть свои лисьи физіономіи и заговорить съ народомъ на его языкѣ, не имъ народъ отдалъ бы въ то время, когда онъ фактически могъ давать или не давать — распоряженіе своей судьбой.

То, что было дѣйствительно завоевано, а не со-

ставляло только продуктъ мечтаній, то, что было освящено кровью и всеобщимъ, хотя бы временнымъ признаніемъ, отнять это обратно будетъ или сугубо труднѣе, или же часто невозможно.

А что либералы уже начали показываться постепенно на Божій свѣтъ и пошевеливаться, видя, что дѣло разгорается не на шутку и что не сегодня — завтра минуетъ время крови и настанетъ время «чистенькихъ» и «аккуратненькихъ» дѣлъ, — свидѣтельствомъ этому служатъ слова одного члена город. управы, который высказывался въ частной бесѣдѣ о необходимости немедленнаго собранія представителей города, членовъ законныхъ учрежденій, куда «могутъ быть (или должны?), конечно, приглашены члены революціонныхъ организацій».

Каково! Послѣ нѣсколькихъ дней рѣзни, кровавыхъ бань, они начинаютъ только задумываться объ устройствѣ собранія членовъ «законныхъ» учрежденій, куда «допускаютъ» представителей революціонныхъ партій...

Они... «допускаютъ»! Они... «приглашаютъ»! Вѣдь это самый грубый, издѣвательскій цинизмъ. Они хотятъ, кажется, все свое участіе въ революціи ограничить приглашеніемъ на почвѣ уже содѣяннаго!

Посмотримъ же, господа милосердные либералы, кто будетъ кого «приглашать» или «допускать»...

Ваше время придетъ, — это несомнѣнно, но... будьте терпѣливы и позвольте сначала *намъ* задуматься о томъ, допускать васъ или нѣтъ!...

Намъ передавали потомъ, что у части думцевъ состоялось тайное засѣданіе, и одинъ расхрабрившійся либералъ ставилъ даже вопросъ о временномъ революціонномъ правительствѣ совмѣстно съ революціонными партіями. (Насколько это достовѣрно,—не ручаюсь).

Этотъ вопросъ о нашей тактикѣ на случай переворота, во всей его сложности, и рядъ другихъ, главнымъ образомъ о томъ, какъ направить и объединить теперь движеніе въ городѣ, — должны были, казалось, подвергнуться немедленному и всестороннему обсужденію.

Однако... ничего въ этомъ смыслѣ предпринято не

было,—и вотъ почему (я не говорю, конечно, о разговорахъ частнаго характера—все это не оканчивалось опредѣленнымъ рѣшеніемъ или постановленіемъ, а именно послѣднія то и были нужны).

Комитетъ былъ страшно слабъ передъ великими задачами: изъ 7 человѣкъ одинъ былъ на броненосцѣ, двое стояли въ сторонѣ отъ работы, одинъ былъ боленъ, трое остальныхъ не рѣшались дѣйствовать самостоятельно.

Комитетъ не рѣшалъ относительно непосредственно предстоящихъ шаговъ и вопросовъ.

Напримѣръ, какъ отнестись къ настоящему моменту, т. е. считать ли намъ сложившуюся коньюктуру дѣйствительно революціонной, готовой для переворота. Вопросъ этотъ, въ рѣшеніи котораго солидарности не было, какъ показало засѣданіе «Соединенной Комиссіи» въ пятницу, когда онъ постепенно вылуплялся и наконецъ вылупился изъ безконечно длившихся и ни къ чему не приводившихъ разсужденій (не приводившихъ именно по причинѣ его невырѣшенности, что, впрочемъ, какъ то никѣмъ не сознавалось, ибо предполагалось какое то неподлежащее сомнѣнію общее соглашеніе въ основѣ), — вопросъ этотъ былъ основнымъ, исходнымъ; отъ того или иного отвѣта на него зависѣлъ весь дальнѣйшій ходъ дѣлъ.

4-1669

Этотъ отвѣтъ долженъ былъ опредѣлить рѣшительность и интенсивность нашихъ дѣйствій. Онъ несомнѣнно усугубилъ бы чувство громадной отвѣтственности, лежавшей на насъ, а благодаря этому онъ ввелъ бы новый стимулъ къ немедленному установленію единства, послѣдовательности и опредѣленности во всѣхъ дальнѣйшихъ шагахъ. Но... онъ не былъ ни обсужденъ, ни рѣшенъ. И если результатомъ переговоровъ на морѣ была неопредѣленность плановъ, то на сушѣ не было даже переговоровъ, и неопредѣленность оставалась, какъ прежде. Вмѣстѣ съ нею оставалась хаотичность и разбросанность движенія. У каждаго былъ энтузіазмъ, боевая готовность, отдѣльный взглядъ и планы, но всѣхъ вмѣстѣ не объединялъ, напр., одна пламенная вѣра въ рѣшающее значеніе переживаемаго момента, и это не толкало

къ «сосредоточенію» силъ, для того, чтобы уже цѣлымъ полчищемъ устремиться на непріятеля.

Что же дѣлала «Соединенная Комиссія»? Существованіе ея прошло совершенно незамѣченнымъ, и послѣ я буду еще имѣть случай говорить о ней. Теперь же коснусь вопросовъ, неразрывно связанныхъ съ первымъ основнымъ, и оставшихся также открытыми.

Какъ поступать дальше въ городѣ? Итти ли за стихіей или направлять ее и—какъ? Какъ относиться къ броненосцу, что говорить и предпринимать относительно него?

Какъ относиться къ «Соединенной Комиссіи»? Кто является направляющимъ центромъ? Я уже не говорю о другихъ вопросахъ, которые я указала выше,—о задачахъ въ случаѣ переворота.

Ясно было только одно: съ того момента центръ тяжести переносился съ суши на море.

Мы стали глядѣть на броненосецъ, а броненосецъ на море... туда, гдѣ могла появиться эскадра.

Этимъ на мой взглядъ опредѣлялись все дальнѣйшее движеніе.

А стихія, между тѣмъ, разгоралась, принимала чудовищные размѣры. И движеніе закончилось той поистинѣ Варѳоломеевской ночью, которая заставитъ содрогнуться отъ ужаса всѣхъ, кому придется потомъ перечитывать страницы исторіи этихъ знаменательныхъ дней.

Зловѣщіе признаки этой ночи начали показываться уже днемъ. Послѣ того, какъ портовые рабочіе всѣ, какъ одинъ человѣкъ, бросили утромъ работу, въ порту воцарилось какое-то жуткое молчаніе и спокойствіе... Онъ производилъ впечатлѣніе чего-то негодующаго, сдерживаемаго, грознаго, а шумъ ревущей въ отдаленности толпы и стремительно прибѣгавшихъ туда рабочихъ напоминалъ вулканическую силу, готовую каждую минуту прорваться.

Портъ представлялъ изъ себя такую картину. Въ одной части — около трупа героя Омельчука, на груди котораго лежало революціонное воззваніе, а надъ головой развѣвалась траурная лента съ надписью: «Слава погибшему товарищу», — въ этой части

стояла *непрерывно* толпа отъ 6 до 10 тысячъ, а съ трибуны, воздвигнутой ею, говорились несмолкаемыя, преимущественно соціаль-демократическія рѣчи.

Каково было настроеніе толпы,—можно судить по слѣдующему факту. Когда на трибуну взошла одна дѣвушка-бундистка и начала говорить, то стражникъ, находившійся тутъ же, вскрикнулъ: «бей жидовъ». Охрана, назначенная для оратора, вмѣстѣ съ толпою моментально набросилась на него и положила на мѣстѣ, и никто изъ остальныхъ не выразилъ ни малѣйшаго протеста. Толпу не безпокоили. Не было ни казаковъ, ни полиціи, и въ этотъ день рабочіе слышали столько пламенныхъ свободныхъ рѣчей, сколько имъ не придется, быть можетъ, услышать еще долго, долго.

Въ это же самое время въ другой части порта, гдѣ мнѣ приходилось проходить на обратномъ пути, изъ-за молчаливыхъ зданій и построекъ то и дѣло выходили группы пьяной «черни»... Качаясь, обнявшись, грозя кому-то и смѣясь, они шли въ разныя стороны, и мнѣ не разъ удавалось слышать выраженія, вродѣ: «Нѣтъ, подожди, я сказалъ тебѣ: подожди... Водка будетъ, будетъ водка... Жизнь отдамъ, а водку добуду». Меня сразу охватило тревожное предчувствіе, что за этими стѣнами готовилось что-то безобразное и страшное...

Затѣмъ мнѣ разсказали, что разгромлена какая-то лавка, что озлобленная «чернь» пьетъ и приготовляется... Организованные рабочіе, спѣшно посланные для предупрежденія «такихъ» событій, не могли уже остановить стихіи. Говорили потомъ, что полиція вытащила на берегъ бочки съ виномъ, и босяки жадно сосали ее прямо оттуда, отталкивая другъ друга, вступая въ драку, а затѣмъ опустошая лавки и постройки. Страсти разгорались, и часовъ въ 9 вечера Одесса, измученная, оцѣпленная войсками, освѣщаемая мрачнымъ, угрожающимъ свѣтомъ двигающагося прожектора съ броненосца, Одесса увидѣла кровавое зарево пожара на пристани... Пламя разгоралась съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе, принимая прямо таки чудовищные размѣры, раскидываясь все шире и шире и превращаясь въ цѣлое волнующееся море пламени,

изъ котораго на громадное разстояніе несся глухой, полный неописуемаго трагизма гулъ... Казалось, вся Одесса застонала... Сотни пролетокъ въ истерической поспѣшности летѣли по направленію къ вокзалу, заваленные наскоро захваченными вещами, наполненные 5-ю или даже 6-ю пассажирами. Улицы потемнѣли, слышались сдержанные, взволнованные голоса, люди бѣжали въ разныя стороны, гдѣ-то вдали разорвалась бомба, но самое ужасное совершалось тамъ, внизу. Это былъ въ буквальномъ смыслѣ слова «Красный смѣхъ». Пощады не было ничему и никому. Лавчонки, жилища, пакгаузы, мосты, цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ построекъ, товары, станціи, все это, подобно песчинкамъ. исчезало въ морѣ огня и пожиралось пламенемъ... И вмѣстѣ съ этимъ... подъ обломками какого-нибудь стараго навѣса горѣли пьяные, несчастные босяки, горѣли, начиная съ ногъ, съ головы, продолжая обугливаться, тлѣть, видя приближающееся пламя и не имѣя силъ подняться.

Прибывшая пожарная команда была отброшена и лишена возможности тушить. Кто, по чьему сигналу запретилъ ей это — точно неизвѣстно. Быть можетъ вся многотысячная сбѣжавшаяся толпа, которая тамъ была, и которая, можетъ быть, испытывала бѣшеную радость, глядя, какъ уничтожается ненавистное имъ богатство, и предчувствуя, какой трепетъ долженъ охватить всѣ власти...

Часть прибывшихъ казаковъ была убита бомбою, и тогда... тогда приступило къ дѣйствіямъ стоявшее наготовѣ войско. Въ эту минуту лицомъ къ лицу встали 3 стихіи. Они стояли недолго другъ передъ другомъ: одна — вооруженная огнемъ, другая — желѣзомъ, третья—только самоотверженнымъ геройствомъ и и готовностью отдать свою жизнь за благо и счастье Россіи. Столкновеніе совершилось, и кровавая баня, ничего подобнаго которой, кажется, Россія еще не видала, была ея результатомъ.

2 тысячи труповъ! 2 тысячи жизней! 2 тысячи — по сообщенію газетъ... Одинъ офицеръ удостовѣрялъ, что несравненно больше. То же самое говорило море, которое долго потомъ выбрасывало цѣлыми десятками обгорѣвшіе и убитые трупы...

Пожаръ продолжался, увеличиваясь, до самаго утра, а съ разсвѣтомъ изъ этой ужасной пропасти потянулись одна за другой, громыхая и трясясь, повозки съ брошенными на нихъ въ безпорядкѣ трупами. Одесса, не сомкнувшая всю ночь глазъ, видѣла ихъ не одну сотню. Послѣ ихъ хоронили въ «братскихъ» — поистинѣ, братскихъ — могилахъ!

А броненосецъ смотрѣлъ туда... въ море... на эскадру, которая *могла* скоро придти и матросы которой *могли* перейти на ихъ сторону. Въ тѣ минуты онъ... ждалъ! Увы! Этой ошибки исправить теперь уже невозможно.

На слѣдующій день городъ представлялъ изъ себя страшную картину: портъ былъ опустошенъ и только тлѣющіе остатки, отъ которыхъ шелъ дымъ, да обгорѣлые трупы напоминали о происшедшемъ.

Опустошеніе было полное! Весь городъ былъ переполненъ войсками... На Соборной площади они раскинули палатки, и на растянутыхъ веревкахъ солдаты вывѣсили свое бѣлье для просушки. По улицамъ разъѣзжали патрули. Волненіе не прекращалось, и опять группы рабочихъ скоплялись въ различныхъ мѣстахъ. Но всѣ ожиданія, всѣ надежды, всѣ разговоры сконцентрировались на одномъ: на броненосцѣ. О томъ, чтобы какъ-нибудь централизовать городское движеніе, независимо отъ броненосца, никто даже и не думалъ. Къ полдню прибывшій съ броненосца товарищъ передалъ, что тамъ ждутъ эскадры. Неопредѣленность была полная. Никакихъ инструкцій товарищу ни оттуда, ни туда дано не было, не было даже сдѣлано попытокъ организовать какъ нибудь правильно сношеніе съ матросами: всѣ ждали и ждали чего то извнѣ, не предпринимая никакихъ шаговъ,

Днемъ прошла печальная похоронная процессія съ трупомъ Омельчука. Эту процессію власти не рѣшились разсѣять и даже матросы съ броненосца, пріѣхавшіе почтить останки товарища, были нетронуты (за исключеніемъ 3—4, какъ узнано послѣ). Только въ 8 часовъ раздались 2 оглушительныхъ залпа съ броненосца, изъ которыхъ однимъ была сорвана часть карниза, а другой попалъ въ пустой домъ. Эти залпы

вызвали невѣроятную панику, и жители попрежнему въ огромномъ количествѣ выѣзжали изъ Одессы.

Поздно вечеромъ съ трудомъ удалось двумъ нашимъ уполномоченнымъ отъ «большинства» и «меньшинства» и пріѣхавшему съ броненосца товарищу достать лодку, чтобы ѣхать на броненосецъ: съ чѣмъ, съ какими особыми полномочіями — не было рѣшено. Мы ѣхали во мракѣ, приближаясь къ броненосцу, какъ вдругъ на насъ направился зловѣщій свѣтъ прожектора. Оттуда раздавались предостерегающіе и угрожающіе крики: тщетно кричали мы установленный пароль и махали руками. Въ отвѣтъ намъ раздались выстрѣлы — минута была ужасная, мы чуть не готовились къ смерти, а око прожектора глядѣло на насъ безпощадное и настойчивое...

Затѣмъ зашумѣли волны, и вскорѣ къ намъ приблизился крейсеръ. Матросы узнали насъ, и мы обмѣнялись привѣтствіями. Кромѣ одного товарища, они за позднимъ временемъ не приняли насъ, и мы должны были пріѣхать утромъ.

«Что же думаютъ дѣлать на броненосцѣ?» спрашивали мы. Одинъ изъ матросовъ отвѣтилъ:

«Мы ждемъ эскадры... Мы всѣ готовы умереть. Терять намъ нечего — или смерть или побѣда! Такъ думаетъ каждый изъ насъ... Передайте всѣмъ жителямъ Одессы, передайте солдатамъ, что если они не уступятъ миромъ, — Одессѣ не будетъ пощады. Тамъ на Ланжеронѣ мы видимъ жерла артиллерійскихъ пушекъ и сидящія въ засадѣ войска. Мы будемъ стрѣлять туда. Мы будемъ бомбардировать также буржуазную часть Одессы, гдѣ находятся самые богатые зданія. Скажите жителямъ: пусть идутъ въ Пересыпь; та часть будетъ нетронута, такъ какъ тамъ живетъ бѣднота. Мы не имѣемъ, къ несчастію, точной топографической карты города, и потому приходится дѣйствовать наугадъ. Сегодня для начала, для угрозы мы направили свои бомбы на театръ, такъ какъ тамъ засѣдаетъ военный комитетъ. Пока это не удалось. Но мы добьемся, мы разрушимъ эти зданія и этотъ буржуазный театръ, и на мѣсто его построимъ свой народный, свободный, революціонный театръ»...

Таковъ былъ отвѣтъ, и мы, одушевленные и при-

поднятые, вернулись обратно... Было уже 11 часовъ. Въ городѣ не было ни одного фонаря, царилъ полнѣйшій мракъ, и улицы казались какими то зловѣщими черными дырами. Только пролетки, увозившія одна за другой цѣлыя семьи, нарушали напряженную ночную тишину.

Съ слѣдующаго утра реакція уже торжествовала...

Было объявлено о военномъ положеніи, войска усилены эскадрономъ, прибывшимъ изъ Екатеринослава, и городское движеніе съ внѣшной стороны ослабѣло, разсѣянное, обезсиленное кровопусканіями и не сконцентрированное.

Я не буду касаться различныхъ мелкихъ стычекъ: онѣ уже не имѣли особаго интереса, какъ вспыхивающія искорки послѣ огромнаго пожарища.

Въ пятницу утромъ въ 10—11 час. засѣдала «Соединенная Комиссія» представителей отъ всѣхъ 3-хъ соціальдемократическихъ организацій: «большинства», «меньшинства» и Бунда.

Былъ поставленъ вопросъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ (опускаю подробности предлагаемыхъ мѣръ). Мнѣнія рѣзко раздѣлялись, и вотъ тогда то вылупился основной вопросъ: считать ли настоящій моментъ революціоннымъ и коньюктуру достаточной для того, чтобы совершить переворотъ.

Отъ рѣшенія его зависѣло, конечно, все дальнѣйшее: принимать рѣшительныя дѣйствія или считать за фактъ недостаточность наличныхъ данныхъ.

Коньюктура же представлялась таковой: въ городѣ всѣ до единой фабрики стояли, озлобленіе и ожиданія были у всѣхъ. Эти ожиданія однако связывались съ броненосцемъ, и озлобленіе потому ушло пока внутрь... до поры, до времени.

Броненосецъ же стоялъ, готовый каждую минуту принять рѣшительный шагъ. Мнѣніе одного изъ представителей отъ «меньшинства» (другой товарищъ колебался въ выборѣ той или иной позиціи), которое онъ выразилъ въ очень длинной рѣчи, можно резюмировать приблизительно такъ:

«Предлагаемые здѣсь планы приводятъ меня въ недоумѣніе своей политической незрѣлостью. Я нахожу, что товарищи переоцѣниваютъ моментъ. Революцію

нельзя сдѣлать, организовать, революція дѣлается сама, въ процессѣ развитія. Къ революціи надо быть готовымъ, а мы не готовы.

Вы видите, городъ, несмотря на вчерашнюю кровавую баню, утихъ, а мы всѣ свои надежды возлагали на броненосецъ, и теперь весь успѣхъ обусловливается броненосцемъ, броненосцемъ, который состоитъ изъ громаднаго большинства людей безсознательныхъ, могущихъ измѣнить намъ каждую минуту. Я утверждаю, что ни на сушѣ, ни на морѣ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы начатое движеніе поддерживать дальше,—особенно, если принять во вниманіе силу реакціи. Наша задача теперь состоитъ только въ томъ, чтобы констатировать движеніе оконченнымъ и неудачнымъ и чтобы затѣмъ объявленіемъ, такъ сказать, мирнаго положенія не вызвать слишкомъ большихъ разочарованій.

На мой взглядъ мы должны продолжать еще день-два всеобщую забастовку и затѣмъ приступить къ мирной организаціонной работѣ пропаганды, агитаціи и проч. Мнѣніе товарищей изъ «большинства» относительно немедленной бомбардировки я нахожу поэтому крайне вредоноснымъ. Это значитъ убить даже то, что мы здѣсь успѣли сдѣлать».

Товарищи изъ «большинства» и Бунда въ горячихъ рѣчахъ выступили рѣзко противъ. Такъ какъ главнѣйшіе ихъ доводы, аргументація и даже предложенные планы (за исключеніемъ нѣсколькихъ деталей) совершенно сходны, то я буду резюмировать ихъ взгляды вмѣстѣ.

«Если товарищъ изъ «меньшинства», говорили они, считаетъ, что мы переоцѣниваемъ моментъ, то его можно упрекнуть какъ разъ въ обратномъ: въ недооцѣнкѣ. Организовать революцію нельзя, конечно, но это не значитъ сложить руки и предоставить ходъ вещей естественному развитію. Мы должны приложить всѣ силы, чтобы направить броженіе по правильному руслу, организовать его, быть авангардомъ. Революція дѣлается въ результатѣ извѣстнаго процесса развитія, — это, конечно, такъ, но... повторять это положеніе въ рѣшительный моментъ— значитъ стараться оправдать какъ-нибудь нерѣшительность и медлитель-

ность. Вопросъ: гдѣ считать, какъ можно указать тотъ предѣлъ, когда мы будемъ уже готовы къ революціи? До какихъ поръ *дожидаться* достиженія этого предѣла, какъ это совѣтуетъ товарищъ отъ «меньшинства»? До какихъ поръ отказываться отъ активнаго вмѣшательства и руководства ходомъ революціонныхъ событій?

Товарищъ изъ «меньшинства» говоритъ: «мы не готовы, будемъ мирно готовиться и дожидаться этого предѣла», а мы говоримъ: да, мы готовы, революція уже есть, мы должны пользоваться каждой вспышкой, и, если коньюктура благопріятна, превратить ее въ возстаніе.

Товарищъ считаетъ коньюктуру недостаточной для этого, а мы считаемъ ее настолько благопріятной, что было бы чудовищно не использовать ея.

Движеніе въ городѣ только ушло въ себя: чтобы вывести его наружу, достаточно малѣйшей искры. Итакъ, здѣсь на сушѣ не тупая масса, а революціонно настроенное многотысячное населеніе.

Что касается матросовъ съ броненосца, то тотъ аргументъ, что большинство изъ нихъ несознательно, недостаточенъ: надо только не дать имъ остынуть и принять рѣшительные шаги.

Потому мы предлагаемъ:

Въ виду того, что движеніе въ городѣ страдаетъ разъединенностью, мы должны вызвать общее скопленіе гдѣ нибудь въ одномъ мѣстѣ. Устроить демонстрацію трудно при наличности стоящихъ войскъ: они не допустятъ соединиться. Но у насъ есть еще выходъ. Броненосецъ хотѣлъ бомбардировать восточную и среднюю часть города — не Пересыпь. Туда, въ Пересыпь, надо призывать всѣхъ. Разстрѣливать за это или помѣшать этому — крайне трудно. Вѣдь и теперь туда бѣгутъ массами.

Вызвавъ тамъ естественное скопленіе, мы можемъ вести толпу на арсеналы, участки и проч... Въ это самое время броненосецъ приметъ рѣшительныя мѣры въ смыслѣ дессанта, или, если этого нельзя, бомбардировки.

Планъ Бунда отличался только тѣмъ, что не заключалъ этого «естественнаго скопленія», замѣняя

его организаціей организованныхъ рабочихъ на вооруженные десятки, которые съ помощью толпы овладѣли бы оружейными складами и т. д.

Бомбардировка входила и въ ихъ планъ.

Именно противъ бомбардировки товарищи изъ «меньшинства» направили свое оружіе. Они упрекали насъ, что, настаивая на бомбардировкѣ «во что бы то ни стало» (въ такой формѣ мы не настаивали), мы разсуждаемъ, какъ метафизики, какъ нервные и незрѣлые политики. Мы забываемъ, что мы — соціаль-демократы и, такъ сказать, въ временномъ возбужденіи готовы жертвовать тѣмъ, что создано; за непосредственными задачами мы забываемъ наши конечныя цѣли, ибо вѣдь бомбардировка, приведя къ разрушенію Одессы, ничего не достигнетъ, а только уничтожитъ содѣянное.

Всѣ наши разсужденія, всѣ наши возраженія другъ противъ друга обусловливались именно неодинаковой оцѣнкой момента, и я думаю, что ошибка «меньшинства» состояла въ недооцѣнкѣ момента, а наша и Бунда въ томъ, что мы тогда же, третьяго дня и во всякомъ случаѣ въ четвергъ не приняли рѣшительныхъ и немедленныхъ шаговъ. Было ли причиной тому недостатокъ глубокой вѣры въ важность переживаемаго момента, слабость ли центровъ, общая ли растерянность, — трудно сказать!

Фактъ тотъ, что мы тоже ожидали, и это ожиданіе, нелѣпое и глубоко ошибочное, было, быть можетъ, роковымъ.

Мы должны бы были немедленно рѣшить, что представляетъ изъ себя «Соединенная Коммиссія»; кто рѣшаетъ окончательно? Является очень страннымъ и прямо непонятнымъ, почему же не было рѣшено раньше при образованіи «Соединенной Коммиссіи»?

Но что касается странностей, — недостатка въ нихъ не было!

Экстренное ея образованіе въ среду не служитъ, конечно, оправданіемъ. Она имѣла послѣ много времени, чтобы оформиться, ибо революціонный часъ равняется мирному десятилѣтію. Далѣе: образованіе ея въ военный моментъ предполагало непремѣнно существованіе одного общаго базиса: въ данномъ слу-

чаѣ *соглашенія въ смыслѣ оцѣнки момента.* При отсутствіи такого соглашенія, ея существованіе было бы невозможно, ибо въ такія минуты учреждать «словоговорильни», каковой она и была, для взаимнаго переубѣжденія — это абсурдъ. Между тѣмъ только на 3-ій день констатировали отсутствіе основного соглашенія, т. е. отсутствіе общаго базиса соединенія и при этомъ не распустились, а пришли къ нѣкоему компромиссному рѣшенію относительно коммиссіи.

Итакъ, вопросъ относительно коммиссіи былъ открытымъ.

А между тѣмъ, если бы мы немедля вырѣшили отсутствіе общаго базиса, мы съ Бундомъ должны были бы выйти изъ коммиссіи и начать дѣйствія самостоятельно.

Я думаю такъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Если при наличности основного соглашенія возможно было бы въ тѣ минуты въ техническихъ подробностяхъ подчиняться рѣшеніямъ большинства коммиссіи, то въ основномъ вопросѣ—есть ли то простая вспышка или революція — въ этомъ *подчиниться* было бы странно, и «меньшинство» едва ли бы сдѣлало это. При такихъ же условіяхъ революціонныя дѣйствія тормозились бы на каждомъ шагу, и мы больше говорили бы о томъ, приступать ли къ мирной организаціонной работѣ или же немедленно организовывать возстаніе.

Такимъ образомъ, мы должны были бы выйти и образовать «военный центръ», или временное верховное учрежденіе, согласное въ основѣ и рѣшающее для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Принять немедленныя рѣшительныя дѣйствія въ городѣ, можетъ быть, въ родѣ вышеуказанныхъ, — это было бы нашей первой задачей. Что же касается броненосца, то необходимо было организовать немедленно регулярныя сношенія съ нимъ, чего не было сдѣлано «Соединенной Коммиссіей» (чего даже не сдѣлала эта словоговорильня!) и настаивать, не дожидаясь прихода эскадры, на принятіи рѣшительныхъ шаговъ по отношенію къ городу. Напр., бомбардировки съ предварительнымъ ультимативнымъ предупрежденіемъ городскихъ властей, а, можетъ быть,

просто съ предупрежденіемъ, ибо кровавая баня въ среду достаточный, слишкомъ достаточный поводъ принудить властей сдаться силой.

Въ случаѣ же прибытія эскадры, броненосецъ могъ или склонить ее тогда же на свою сторону, или же, — если эскадра стала бы грозить, — онъ могъ врѣзаться въ середину ея, какъ это онъ сдѣлалъ по ея прибытіи въ пятницу въ полдень.

Итакъ мы вѣрили, видимо, платонически, мы не приняли ничего рѣшительнаго. За это намъ могутъ бросить заслуженный и тяжкій упрекъ...

Рѣшеніе, которое было «вымучено» на засѣданіи «Соединенной Коммиссіи» со стороны «большинства» и Бунда (ультиматумъ городу и бобмардировка. Мы опять сдѣлали нѣкоторое отступленіе, смягчивъ въ намѣченной резолюціи рѣшеніе и допустивъ чуть ли не одно или двухъ-дневное ожиданіе отвѣта) не успѣло даже пройти (возможно, что и не прошло бы), такъ какъ пришедшіе товарищи возвѣстили о прибытіи эскадры.

Въ то же время съ броненосца какимъ то чудомъ черезъ оцѣпленный берегъ прибылъ товарищъ*), оставшійся послѣ на сушѣ, такъ какъ вернуться обратно не было уже никакой возможности. Съ броненосца онъ уѣхалъ ранѣе прибытія эскадры, а потому сообщилъ только нѣкоторыя подробности.

На броненосцѣ въ четвергъ среди команды стала подыматься противъ иниціаторовъ и руководителей какая то глухая волна, недовольство возрастало. Тяготились неопредѣленностью положенія, не знали и боялись будущаго, плохо понимали, куда ведутъ ихъ вожди.

Коммиссія рѣшила собрать всѣхъ матросовъ, и тутъ то на общей сходкѣ матросъ Матюшенко сказалъ свою «историческую», какъ ее характеризовалъ товарищъ-очевидецъ, рѣчь. Передаю ее въ краткихъ словахъ и приблизительно. Думаю, что она будетъ напечатана потомъ полностью.

---

*) Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ одинъ матросъ, съ которымъ они растеряли другъ друга... Гдѣ онъ теперь, — неизвѣстно! Остался ли на сушѣ, вернулся ли, попался ли въ руки властямъ? Это тотъ самый, который сказалъ маленькую рѣчь на крейсерѣ (см. выше).

«Товарищи! Вы недовольны, упрекаете можетъ быть коммиссію за то, что она ведетъ васъ въ пропасть, на вѣрную погибель. Вы чуть ли не раскаиваетесь въ томъ, что вы дѣлали сами, говорите, что ничего не выйдетъ, и дѣло проиграно. Вы возстаете противъ коммиссіи, неохотно дѣлаете то, что она рѣшаетъ и отказываетесь подчиняться ей. Но, товарищи, кто выбиралъ ее? Для чего она выбрана? Выбрали ее вы, всѣ вы, и выбрали свободно. И выбрали вы ее — вамъ это извѣстно — для того, чтобы она управляла кораблемъ и вела къ успѣху наше общее дѣло. Дѣло это — дѣло борьбы за свободу, борьбы противъ «драконовъ», освобожденіе народа отъ его угнетателей. Дѣло это — дѣло правое, святое, и не страшиться нужно его, а смѣло итти впередъ. Вотъ для чего вы насъ выбрали; вотъ куда мы ведемъ васъ!... Но..., можетъ быть, вы уже не вѣрите въ это дѣло и боитесь напрасной, безполезной погибели, не хотите итти съ нами?

Если такъ, то никто васъ не неволитъ. Не хотите съ нами итти — не нужно. Здѣсь на кораблѣ насъ, соціальдемократовъ, 200 человѣкъ, и всѣ мы готовы всѣми силами стоять за святое народное дѣло. Если вы считаете его ненужнымъ, высадите насъ на берегъ. Всѣ мы съ оружіемъ выйдемъ къ нашимъ братьямъ-рабочимъ и вмѣстѣ съ ними отдадимъ жизнь за свободу.

Но... можетъ быть... наше дѣло кажется вамъ нехорошимъ, а мы — преступниками, измѣнниками отечеству и царю-батюшкѣ. Тогда спасайте отечество, вяжите насъ, стрѣляйте въ насъ! Вѣдь вы спасаете отечество. Васъ встрѣтятъ на берегу съ музыкой, вамъ дадутъ чины, васъ произведутъ въ офицеры, украсятъ крестами да медалями, ваши имена будутъ записаны въ исторіи... Вѣдь вы — спасаете отечество!

Итакъ, если вы вѣрите въ дѣло, хотите свободы и народнаго счастья — вѣрьте намъ. Если же мы для васъ — измѣнники, преступники,—стрѣляйте въ насъ!

Всѣ мы, соціальдемократы, выстроимся передъ вами и смѣло взглянемъ въ глаза смерти. Итакъ — мы строимся. Товарищи соціальдемократы, сюда! (Матюшенко указалъ рукою около себя. Нѣкоторые изъ товарищей стали уже приближаться). Спасители отечества! стрѣляйте въ насъ»!

Произошло сильнѣйшее волненіе, напряженіе к

манды возросло до высшей степени; всѣхъ разомъ охватило одно чувство, и команда, какъ одинъ человѣкъ, воскликнула: «Нѣтъ, мы съ вами, мы съ вами, мы вѣримъ вамъ, ведите насъ. Или умремъ вмѣстѣ или побѣдимъ»!

Послѣ этого установилось приподнятое, дружное, твердое настроеніе.

Съ прибытіемъ эскадры мы были оторваны отъ броненосца. Причиной этому было съ одной стороны то исчезновеніе, то вновь появленіе броненосца, и мы не могли его поймать; съ другой стороны — упорные слухи, что команда повѣсила коммиссію и сдалась; наконецъ — затруднительность проѣзда, ибо всѣ лодки были опечатаны, и по берегу были разставлены пикеты. Тщетно мы изыскивали всѣ пути, чтобъ связаться снова съ броненосцемъ—ничего не выходило.

Еще цѣлую почти недѣлю находились мы въ полнѣйшей неизвѣстности и все ждали, ждали, ждали, надѣясь, что если не здѣсь, то тамъ гдѣ нибудь, въ Батумѣ, или въ Севастополѣ онъ приступитъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. «Смерть или побѣда!» — было его знаменемъ, и мы помнили это и ждали.

Но исторія рѣшила иначе.

Чѣмъ же объяснить его нерѣшительность. Гдѣ причина его медлительности и колебаній? Я думаю, что ошибка была совершена въ первое же засѣданіе и обусловливалась она его ожидательной позиціей, во время которой врагъ успѣлъ оправиться, собраться съ силами и сдѣлать все нужное. Чѣмъ дальше, тѣмъ было труднѣе принять рѣшительныя мѣры, потому что революціонная энергія уменьшалась, особенно если принять во вниманіе два обстоятельства: во-первыхъ, командиръ Алексѣевъ, выбранный командой только потому, что онъ одинъ зналъ штурманское дѣло, не былъ революціонеромъ, и упадокъ его духа, колеблющееся настроеніе оказывали, конечно, дурное вліяніе, во-вторыхъ, команда, по словамъ бывшаго тамъ товарища слишкомъ была предоставлена самой себѣ.

Коммиссія, занятая своими засѣданіями, удѣляла ей мало времени, и она поддавалась, конечно, постепенно все болѣе и болѣе суевѣрному страху передъ темнымъ будущимъ. Эта ожидательная позиція не встрѣчала никакой рѣшительно критики съ суши, и

не нашлось никого, кто бы дерзнулъ смѣло и рѣзко осудить ее и призвать къ дѣйствію: намъ недостовало революціоннаго генія. Какъ объ этомъ жалѣли, можетъ показать засѣданіе нашего комитета въ понедѣльникъ или во вторникъ, засѣданіе, которое было сплошнымъ хныканьемъ, которое заднимъ числомъ начало рѣшать шаги (тогда еще была надежда на возвращеніе броненосца).

На этомъ засѣданіи одинъ изъ товарищей въ рѣчи, полной горячихъ упрековъ и сарказма, смѣялся надъ медлительностью организаціи, обвиняя всѣхъ дѣйствующихъ активно членовъ въ «интеллигентской трусости и робости», въ недостаткѣ революціонной дерзости, находя, что нужно было бы тогда же немедленно бомбардировать городъ.

«Намъ не важны теперь ни городъ, ни крестьянское движеніе, *) на это мы должны теперь махнуть рукой, намъ важенъ брененосецъ — и только онъ одинъ». Такой тирадой закончилъ онъ. Въ отвѣтъ на это ему резонно замѣтили, что, какъ бы онъ ни былъ правъ, но упрекать другихъ почти недѣлю спустя и не проявлять самому раньше революціонной дерзости —это безсмысленно. Кромѣ того, нѣкоторые протестовали противъ его послѣднихъ словъ, находя ихъ не соціальдемократическими и прямо вредными, ибо «главное условіе успѣха дѣла въ конечномъ счетѣ заключается не въ одномъ военномъ актѣ, а въ сильномъ и широкомъ движеніи на сушѣ».

Такими же упреками и сожалѣніями были полны почти всѣ рѣчи. Для будущаго — въ виду ожидаемаго всетаки прибытія броненосца — были предложены различныя дѣйствія.

Я не буду останавливаться на нихъ, особенно потому, что центромъ тяжести въ нихъ было устройство руководящаго центра. Вотъ тутъ то поднялся вопросъ о «Соединенной Коммиссіи» и о ея характерѣ. Оказалось, что всѣ были различнаго мнѣнія объ этомъ. Нѣкоторые члены были вообще противъ всякаго соглашенія съ другими организаціями и находили лишнимъ какую

*) Тогда, какъ извѣстно, было сильное крестьянское движеніе въ Херсонской губ. и на него указывали, какъ на благопріятный плюсъ въ общей коньюктурѣ; выражалось смутное желаніе соединить его съ городскимъ движеніемъ.

бы то ни было коммиссію, ибо «бывшая коммиссія не сдѣлала ничего, она была изъ рукъ вонъ плоха» (почему же не исправить ее вмѣсто уничтоженія?).

Другіе считали, что коммиссія должна быть учрежденіемъ верховнымъ, которому организаціи должны подчиняться. Третьи отводили ей роль исполнительнаго органа (чьего?) въ смыслѣ техническихъ функцій.

Согласія не было никакого, — къ нему такъ и не пришли.

Я думаю, что недоразумѣніе, мѣшающее соглашенію, заключалось именно въ томъ, что никто не установилъ необходимую предпосылку при составленіи подобной коммиссіи: соглашеніе въ основѣ, т. е. въ оцѣнкѣ момента, а отсюда въ равной рѣшительности на естественно вытекающій изъ него образъ дѣйствія. При такомъ соглашеніи отказываться отъ объединенія значитъ безсмысленно разсѣивать силы и средства, при такмъ соглашеніи коммиссія была бы только военнымъ центромъ, далекимъ отъ принципіальныхъ разногласій и не могущей обратиться въ «словоговорильню».

Въ общемъ Комитетъ не пришелъ ни къ чему. Послѣдней судорогой его было рѣшеніе послать одного изъ товарищей въ догонку за броненосцемъ въ какой нибудь южный городъ. Зачѣмъ? съ какой цѣлью? — это было никому неизвѣстно.

Комитетъ хватался за соломинку и этимъ страннымъ до наивности постановленіемъ хотѣлъ хоть немножко искупить свои предшествовавшія оплошности...

Я не говорила о различныхъ подробностяхъ — вродѣ взятія Вѣхи или о Прутѣ. Этого достаточно есть въ извѣстіяхъ легальной литературы. Скажу только еще и еще разъ: намъ, неорганизованнымъ и разъединеннымъ, не хватало, кромѣ всего прочаго, революціоннаго генія, который дерзостнымъ и смѣлымъ полетомъ могъ бы одушевить все движеніе, который отбросилъ бы ту нерѣшительность, робость, которыя испытывали всѣ мы, столкнувшись лицомъ къ лицу съ великой революціей!

Нищій.

19. **Бебель. Христіанство и Соціализмъ.**
Prix: 25 cts. — 25 pf. — 2½ d. — 5 cent.

20. **Дикштейнъ. Кто чѣмъ живетъ.**
Prix: 40 cts. — 3 pf. — 45 d. — 8 cts.

21. **Приказъ по войскамъ Екатеринославскаго гарнизона.**
Prix: 15 cent. — 10 pf. — 1 d. — 3 cts.

22. **Три конституціи (листокъ).**
Prix: 10 cent. — 10 pf. — 1 d. — 1 cts.

23. **В. Сѣверцовъ. Приложеніе тактики и фортификаціи къ народному возстанію.**
Prix: 50 cts. — 40 pf. — 15 d. — 10 cent.

24. **Н. Ленинъ. Двѣ тактики соціальдемократіи въ демократической революціи.**
Prix: 1 fr. 25 cts. — 1 mk. — 1 sh. — 18 cent.

25. **Извѣщеніе о III съѣздѣ Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи.**
Цѣна: 20 cts.—15 pf.—2 d.—5 cent.

26. **Рабочіе о партійномъ расколѣ.**
Цѣна: 25 cent. — 20 pf. — 2½ d. — 5 cts.

27. **Чего хотятъ соціаль-демократы.**
Цѣна: 25 cts. — 20 pf. — 2½ d. — 5 cent.

28. **П. Орловскій. О Государственной Думѣ.**
Цѣна: 25 cts. — 20 pf. — 2½ d. — 5 cent.

29. **Н. Ленинъ. Задачи русскихъ соціальдемократовъ.**
Цѣна: 25 cts. — 20 pf. — 2½ d. — 5 cent.

☞ **Выписывающіе изъ экспедиціи за пересылку не платятъ.**

Принимается подписка на Ц. О. Р. С.-Д. Р. П. „Пролетарій".

Подписка на 4 №№ стоитъ 1 фр. 10 с. = 90 пф.=22 цн.=10 пнс., 8 №№—2 фр. 20 с.=1м. 80 пф.=44 цн.=1 ш. 8 пн.; 12 №№—3 фр. 30 с.=2 м. 70 пф.=66 цн.=2 м. 6 пнс.; 16 №№—4 фр. 40 с.=3 м. 60 пф.=88 цн.=3 ш. 4п.; 20 №№—5 фр. 50 с.=1 д. 10 ц.=4 ш. 2 пн.; 24 №№—6 фр. 60 с.=5 ш. 40 пф.=1 д. 32 ц.—5 ш.

Адресъ экспедиціи: V. Oulianoff, 3, rue de la Colline, 3. Genève, (Suisse).

На складъ экспедиціи Р. С.-Д. Р. П.

поступили всѣ изданія

Г. А. Куклина.

На складѣ Экспедиціи Р. С.-Д. Р. П.

имѣются комплекты соціальдемократической газеты

„Впередъ“

съ № 1 по № 18.

Цѣна комплекта 4 фр.

Поступило въ продажу новое изданіе Центральнаго Комитета Р. С.-Д. Р. П.

ТРЕТІЙ ОЧЕРЕДНОЙ СЪѢЗДЪ

Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

ПОЛНЫЙ ТЕКСТЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Цѣна 5 фр.